

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Е.В. Вдовченков,
А.Н. Коваленко

Аннотация. Данная статья является вводной к заявленной в качестве темы четвертого номера нашего журнала проблеме «Живые и мертвые». Отношение к живому и мертвому, к жизни, смерти и бессмертию является одной из числа вечных и актуальных проблем, поскольку, так или иначе, касается каждого человека, вне зависимости от времени, места и культурных обстоятельств.

На протяжении всего периода истории человечества образ мертвых в культуре и социуме является своеобразным ключом к пониманию мира живых. Анализ отношения к смерти и связанных с ней различных практик проливает свет на структуру человеческой индивидуальности и общественное устройство. Отношение к мертвым является мерой культуры и позволяет анализировать параметры гуманности.

Образ того света выстраивался как подобие своего, а представления о загробной жизни зависели от образа жизни земной. Живые распространяли свои правила на социум мертвых. Смерть играла особую роль в поддержании и конструировании социального пространства. Важной для понимания традиционных обществ представляется идея постоянного присутствия мертвых в мире живых.

С учетом специфики журнала в рубрике «Тема номера» и ряде статей других рубрик, а также материалах дискуссии представлен взгляд на заявленную проблему в перспективе разных наук: антропологии, истории, археологии, филологии и философии.

Ключевые слова: живое и мертвое, мир мертвых, смерть, душа, погребальный обряд, мифология, модель мира, обряды перехода, гуманность, память.

Вдовченков Евгений Викторович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая 105/42, vdovchenkov@yandex.ru.

Коваленко Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и истории Древнего мира Института истории и международных отношений Южного федерального университета, 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42, alex_arg@rambler.ru.

THE LIVING AND THE DEAD IN AN INTERDISCIPLINARY PERSPECTIVE

E. V. Vdovchenkov,
A. N. Kovalenko

Abstract. This article is introductory for the topic “The living and the dead” of the fourth issue of our journal. The attitude towards the living and the dead, the of the fourth journal issue. The attitude towards the living and the dead, the life, the death and the immortality is everlasting and relevant as it affects any person in one or another way regardless of the times a person lives.

Throughout the whole history the image of the dead in culture and society has served as a certain key to the world of the living. Analysis of death sheds light on the structure of human identity and changes it goes through. Attitude towards the dead is a yardstick of culture and helps to analyze parameters of humanity.

The image of the “after world” has been formed as a reflection of “this world”, and notions of the “after life” influence the image of the mortal life. The living has expanded rules into the dead society. Death played a very special role in maintaining and framing the social space. For understanding traditional societies the idea of constant presence of the dead in the world of the living is important.

The profile of the journal allowed to present an approach to the topic from a stand point of different sciences, i.e. anthropology, archaeology, philology and philosophy, in the section “topic of the issue” and in a number of presentations in other sections and in discussion materials.

Keywords: living and dead, world of the dead, death, soul, funeral ceremony, mythology, world model, rites of passage, humanity, memory.

Vdovchenkov Evgeny V., Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Archaeology and Ancient History, Institute of History and International Relations of the Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russia, vdovchenkov@yandex.ru.

Kovalenko Alexander N., Candidate of Science (History), Associate Professor of the Department of Archaeology and Ancient History, Institute of History and International Relations of the Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya st., Rostov-on-Don, 344006, Russia, alex_arx@rambler.ru.

*В моем городе люди умирают, сердце печально!
Люди умирают, на сердце тяжело! Я взглянул со стены,
увидел трупы... плывущие (?) по реке;
что до меня, то и со мной случится то же, поистине так.*

«Гильгамеш и Гора живых» [Эпос... 2006, с. 110]

Историческая наука направлена на то, чтобы как можно более полно реконструировать прошлое, понять его логику, выявить закономерности, восстановить ход событий.

Но история – это, прежде всего, люди. Все мы очень разные и в то же время единые в своей общечеловеческой сущности. При всем разнообразии культур и обществ есть вопросы, ответы на которые человек пытается найти вне зависимости от того, в какое время он живет и к какой культуре принадлежит. Одной из таких культурных универсалий является отношение к смерти (и, следовательно, к жизни). Эта проблема относится к числу вечных и актуальных, поскольку, так или иначе, касается каждого человека.

С того момента, как человек стал осознавать себя таковым, он стал думать о том, откуда он появился в этом мире и что находится за чертой смерти. Человек – единственное существо, которое способно осознавать свою смертность и делать ее предметом рефлексии. Но неизбежность собственной смерти не воспринимается человеком как отвлеченная данность, а вызывает сильнейшие эмоциональные потрясения, затрагивает самые глубины его внутреннего мира. Все мы живем здесь и сейчас. Но жизнь проходит, сменяются поколения, приходит смерть, а ей на смену приходит новая жизнь. В разных культурах отношение к этой дилемме было различным. И напрямую было связано с представлениями о душе и о том, как вписан человек в систему мира.

Тема этого выпуска журнала «Живые и мертвые» отсылает нас, конечно, к роману К.М. Симонова. Но эта аллюзия – лишь повод для осмысления данной проблемы и дискуссии, хотя мысли и идеи, содержащиеся в романе, напрямую перекликаются с идеями наших авторов.

Страшная жертва, заплаченная нашим обществом в той войне, поставила перед потомками проблему отношения к этим событиям и ушедшим от нас людям. Но и смерть отдельного человека поднимает ту же проблему – проблему, с которой сталкивается любое общество.

Конечно, отношение к мертвым в традиционных обществах было иным, как и отношение к факту смерти, но не стоит преуменьшать для человека традиционного общества трагичность смерти [Иерусалимский, 1982, с. 287]. В отличие от современного человека, который часто оперирует абстрактными категориями, в глубокой древности человек мыслил, прежде всего, образами. И не случайно очень рано в сознании человека оформилось понятие о цикличности жизни на земле, трехчленной модели мира и о своем месте в этой системе координат. Результаты подобного осознания, в свою очередь, нашли выражение в материальной и духовной культуре, а также в конкретных обрядовых действиях.

Архаическим народам был присущ особый, архаический, тип мышления [Раевский, 2006, с. 268], характерной чертой которого является мифологизация универсума, а миф в свою очередь был, вероятно, первым удачным опытом создания целостной системы мировосприятия, суть которой – определение места индивидуума в окружающем мире, причем, как в пространстве, так и во времени, и таким образом миф не только объяснял мир, роль, судьбу и место человека в нем, но и служил «инструментом» («универсальным ключом») познания прошлого, настоящего и будущего [Ольховский, 1999, с. 118]. При этом зримым воплощением такого «инструмента» являлась модель мира, главный элемент которой соответствовал определенному элементу реального мира, чаще всего образу дерева, высокой горы, столба, человеческой фигуре, а подчеркнутая вертикальность ее главного элемента (оси мира) придавала модели трехмерность и трехчленность. В этом космическом порядке мир мертвых занимает свое особое место в нерасторжимом единстве времени и пространства. Пространственные представления о мире мертвых по-разному решаются в культуре [Подосинов, 1999]. Очень популярны представления о расположении мира мертвых на севере и/или западе, в низовьях больших рек, за рекой или морем, в высоких горах и т. п. Локусы мира мертвых многообразны и определяют пространственную организацию социума.

В трехчленной модели мира, наиболее ярким выражением которой является образ Мирового древа, человек занимает срединное положение и в течение жизни перемещается в горизонтальной плоскости. На этом пути, по мере взросления, его сопровождают разного рода качественные изменения, конечной точкой которых зачастую являются обряды перехода, связанные с рождением, взрослением, социализацией, смертью и т. д.

В этой системе смерть должна рассматриваться не как конец, а как переход в новое качество: «смерть повсеместно рассматривается именно как действие перехода в некое новое состояние (обряды, связанные со смертью, соответственно, рассматриваются как обряды перехода)» [ван Геннеп, 1999, с. 134–150]. И многое здесь зависит от того, как воспринимаются человеком его тело и душа. Тема жизни и смерти прямым образом связана с представлениями о душе, которые у разных народов обладали определенной спецификой. Различными были и представления о количестве душ у человека и их посмертных перемещениях. Эти представления отражаются в мифологии и религии, а также осмысливаются в литературе и философии. Как писал в свое время известный философ П. Д. Успенский, «в каждом человеке как бы живут два существа: одно существо, охватывающее минеральный, растительный, животный и человеческий “пространственно-временной” мир, и другое – существо духовного мира. Одно – существо прошлого, другое – существо будущего. Одно принадлежит миру форм, другое – миру идей. И т. о. душа человека есть поле битвы прошлого с будущим» [Успенский, 1993, с. 133]. У народов Сибири были представления о разных душах у одного и того же человека: душа-дыхание, душа-птица, душа-тень. Например, у народов ханты и манси существовали представления, что у мужчины было пять душ, а у женщины – четыре [Косарев, 2003, с. 93–113]. Значительную роль в культуре играли и представления

о метемпсихозе – многократном возрождении души в разных облициях (у жителей Индии, иранцев, древних греков, фракийцев, кельтов и др.).

Образ того света выстраивался как подобие своего, а представления о загробной жизни зависели от образа жизни земной. Живые распространяют свои правила на социум мертвых. Жизнь, которая не видна, идет по другим правилам, но, в общем, параллельна жизни живых. Вот пример у якутов: «Этот мрачный образ подземного мира совмещается у якутов с совершенно иным представлением об этой области Вселенной. Она также размещается под землей, но умершие живут там точно так, как живые на земле. Они имеют характерные для традиционной якутской культуры жилые и хозяйственные постройки, одежду, утварь и ведут такой же образ жизни, как их потомки и родственники, пребывающие на этом свете» [Попов, 1949, с. 260]. Социальный статус и положение человека имели значение и на том свете – представителям разных сословий и социальных групп предписывалось продолжать прижизненные занятия и после смерти – занимать в загробном мире положение, достаточно четко фиксированное социально.

Важной для понимания традиционных обществ представляется идея постоянного присутствия мертвых в мире живых – они присутствуют в культуре, с ними требуется соотносить свои действия. Об этом пишет в дискуссии этого выпуска Ю.Е. Арнаутова, ссылаясь на работы О.Г. Эксле, и даже называет исследование «нерасторжимого сообщества живых и мертвых» самым крупным открытием медиевистики XX в.

Смерть играет особую роль в поддержании и конструировании социального. Смерть – дело всей общины, и социальные связи проявляются как никогда ярко – в праве кровной мести, в приглашениях на похороны и поминки и т. п. Коммуникации с миром мертвых играют в жизни общества особую роль, соединяя мифологическое и социальное пространство.

Поддержанию социального и космического порядка (и их нерасторжимого единства), укреплению мира и космоса способствует своевременная и правильная смерть. Есть большая разница в том, кто умер, как умер и при каких обстоятельствах. Неправильная, ненормальная смерть несет в себе большую опасность для общества, что проиллюстрировал в своей работе Д.К. Зеленин на примере заложенных покойников – самоубийц, утопленников, людей, умерших неестественной смертью [Зеленин, 1995, с. 41 и далее]. Такую же опасность несет в себе смерть колдуна.

Особо значимы для функционирования общества смерть правителя и ее регулирование. Благосостояние правителя магическим образом сказывалось на положении подданных. Хорошо известен сюжет «Золотой ветви» Дж. Фрезера, где вокруг ритуала смены правителя и убийства царя по достижении им определенного возраста выстраивается всё повествование. Смерть правителя ставит общество в критическое состояние, угрожающее самому его существованию, и приводит к появлению практик укрепления мира и космоса, как, например, установление статуй скифских

царей в период междоусобицы помогает, по Д.С. Раевскому, установлению порядка в мире [Раевский, 2006, с. 430–431].

Этические учения и мировые религии открыли новую эпоху в истории человечества. Идеи воздаяния и спасения – от зороастризма до христианства, ислама и буддизма – распространились по всему миру и способствовали индивидуализации сознания, поднимая вопрос об индивидуальной душе и спасении. Но при всей значимости этого события надо учитывать инерцию культуры и коллективного мышления. Например, то же христианство привело к постепенной и медленной эволюции идеи коллективного спасения до идеи индивидуального спасения.

К началу Нового времени меняются представления о смерти: она воспринимается как мрачное негативное событие, противопоставленное жизни. Исследователи отмечают избегание темы смерти и мира мертвых в современном обществе [Гуревич, 1989, с. 119; Арьес, 1992]. В настоящее время успехи медицины и рост благосостояния убрали смерть из повседневности, отдалили ее от человека. Безусловно, средства массовой информации дают нам информацию о многих смертях, но эта информация из личного пространства переходит в широкое общественное поле и переживание их приобретает другой характер.

Современность дает нам право выбора в отношении к феномену смерти, мы видим сочетание самых разных представлений – от идеи отсутствия какого-либо загробного бытия до классических религиозных представлений. В современном десакрализованном мире сосуществуют самые разнообразные концепции и практики, и отношение к смерти отличается эклектичностью.

Таким образом, на протяжении всего периода истории образ мертвых в культуре и социуме является своеобразным ключом к миру живых. Анализ смерти проливает свет на структуру человеческой индивидуальности и на ее перестройку [Гуревич, 1989, с. 118]. Отношение к мертвым является мерой культуры и позволяет анализировать параметры гуманности [Громов, 2003]. Присутствие мертвых в обществе, степень и характер присутствия/отсутствия, практики памяти и забвения определяют многие параметры общества и культуры. Отношение к мертвым говорит, конечно, не о мертвых, а об обществе, имеющем такие представления. Очень важными при работе над этой темой представляются слова С.А. Еремеевой (см. ее текст в дискуссии этого номера) о том, что «разговор о смерти есть всегда разговор о жизни и о будущем». Восприятие прошлого и ушедших людей предопределяет отношение к себе и отношение к будущему.

Проблема анализа мира мертвых, соотношения мира мертвых и мира живых, изучение погребальных практик находят свое решение в работах историков, антропологов, археологов, психологов. Большое значение данной теме в настоящее время уделяют

медиевисты (Ю.Е. Арнаутова в материалах дискуссии этого выпуска) и антропологи [Ермолин, 2014]; см. также статьи С.В. Мохова, С.А. Еремеевой и А.Д. Соколовой в материалах дискуссии.

Значительное внимание этой теме уделяют и археологи, поскольку их исследовательский ракурс выстраивается через анализ погребальных памятников. Погребально-поминальная обрядность, как отражение духовной культуры того или иного народа, его представлений о душе, изучается разными науками, однако наиболее предметно она рассматривается археологией и этнографией. Причем в археологии материальное выражение погребально-поминальной обрядности зачастую является основным источником при реконструкции исторического прошлого и системы мировоззрения того или иного народа древности. И в этом контексте погребальное сооружение предстает как сложная модель, наполненная большим количеством символических смыслов, являющаяся отражением религиозно-мифологических представлений того или иного народа. Так, например, курганная насыпь часто трактуется исследователями как изоморф Мировой горы (оси мира), погребальное сооружение – как «дом» погребенного, сопровождающий инвентарь – как подношения, необходимые умершему в определенный период его загробного существования, погребальный комплекс в целом – как модель Вселенной и т. д. [Саенко, 1994; Дашковский, 1996; Ольховский, 1999, с. 116]. Именно в погребальной обрядности консервируются и сохраняются в течение длительного времени признаки этнокультурной идентичности общества. Даже в современном мире, при распространении мировых религий и главенствующем отражении в погребальном обряде мировоззренческих установок, связанных с этими религиями, в деталях погребальной обрядности находят отражение региональные особенности и специфика этнической истории населения того или иного региона. Все это связано с особыми погребальными канонами, принятыми в том или ином обществе. Ведь основная идея погребальной обрядности – это идея жизненного круговорота, и малейшее отступление от погребального канона чревато сбоями на пути жизненного круговорота [Косарев, 2003, с. 185], а погребальный обряд является одним из главных обрядов перехода. Погребально-поминальные обычаи тесно связаны с любой религиозно-мифологической системой, представлениями о смерти человека и его состоянием после нее. Это не регламентированные юридически установлениями способы и нормы обращения с умершим членом общества, своего рода неписанный «свод» погребальных правил и представлений, предписывающий каждому индивиду стиль поведения в конкретных ситуациях, примерами которых могут служить обычай «прощания» с умершим, обычай отмечать каким-то образом место захоронения, обычай поминок и т. д. [Ольховский, 1986, с. 67]. При этом основной причиной устойчивости и консервативности погребальной обрядности является сила общественного мнения [Суханов, 1973, с. 15]. Специфику погребального обряда отражает и его структура, в которой отражается единство двух сфер – идеологической (связанной с ментальной деятельностью индивидуумов и расчлняющейся на два уровня – семантический и процессуальный) и практической (связанной с реальной физической человеческой

деятельностью). Результатом совершения погребального обряда является погребальный комплекс – структурно сложный физический объект, включающий тело погребенного, погребальное сооружение и ряд других конструкций и элементов [Ольховский, 1999, с. 115].

В соответствии с тематикой четвертого номера нашего журнала изучению взаимоотношения мира мертвых и мира живых посвящена серия статей, в которых эта проблема рассматривается историками, археологами, антропологами, филологом.

Так, в статье С.Д. Лысенко и С.Н. Разумова приводятся весьма интересные данные о практике демембрации (расчленения) в погребальной обрядности носителей ингульского варианта катакомбной культуры эпохи средней бронзы на территории самого западного региона распространения данной культуры на юге Восточной Европы.

Актуальным проблемам археологического изучения погребальной обрядности посвящена статья С.А. Яценко. В этой статье автором рассматриваются малоизученные проблемы анализа погребального обряда кочевых сарматских племен, известного по данным археологии, в сопоставлении с данными этнографии и материалами «живых» культур иранских народов XIX–XX вв.

Новые данные, дополняющие наши представления о скифской археологической культуре, приводятся в публикации В.С. Синики и Н.П. Тельнова, которой в научный оборот вводится новый скифский погребальный комплекс рубежа IV–III вв. до н. э.

Диалектике смерти и бессмертия в русской философии посвящена представленная в данном номере статья С.В. Ряполова. Пример реконструкции целостного образа мифологического мышления периода охоты на ведьм в Шотландии Нового времени приводится в статье Н.В. Филатовой «Живое и мертвое в шотландской ведовской мифологии».

Еще один подход к проблеме «Живого и мертвого» на примере литературоведческого анализа продемонстрирован в статье Н.С. Шуваловой «Мертвый язык», как средство воскрешения субъективности «другого» в романе Е.Г. Водолазкина «Лавр». Автор статьи анализирует архаические языковые элементы романа, с помощью которых моделируется картина мира древнерусского субъекта для сближения ее с мировоззрением современного читателя.

Образам, нарративам и дискурсам проблем жизни и смерти в современном мире посвящены статьи М.В. Кирчанова и А.А. Панова.

Особое место в номере занимает дискуссия о значении «death studies» в современной науке. К дискуссии были привлечены антропологи, участвующие в реализации такого проекта, как журнал «Археология русской смерти» (<http://deathanddying.ru>),

в том числе и главный редактор этого журнала – С.В. Мохов. В дискуссии приняла участие также медиевист Ю.Е. Арнаутова, и, поскольку современная медиевистика неразрывно связана с антропологическим знанием, вопросы дискуссии очень хорошо легли на средневековый материал.

В этом номере журнала отражены разные аспекты взаимодействия живых и мертвых. Цель, которую редколлегия ставила перед собой, – привлечь внимание к этой сложной и интересной теме, и если не разорвать междисциплинарные рамки, то сделать их более прозрачными. Собранный материал разнообразен и позволяет увидеть разные стороны этого явления в фокусе разных дисциплин. Подводя определенный итог вводной части данного номера журнала, следует отметить, что проблема, заявленная в качестве темы номера, не может быть охвачена материалами одного номера. Однако редколлегия надеется, что представленные здесь статьи представителей разных наук вызовут живой интерес у читателя и помогут найти новые подходы в изучении поставленных проблем.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М.: Прогресс, 1992. 527 с.

Геннеп ван А. Обряды перехода. Систематическое изучение. М., 1999. С. 134–150.

Громов Д.В. Иная гуманность (к вопросу о психологии смерти в традиционных и современных культурах) [Сопр. статья] // Велецкая Н.Н. *Архаические корни славянских языческих ритуалов*. М., 2003.

Гуревич А.Я. Смерть как проблема исторической антропологии: о новом направлении в зарубежной историографии // *Одиссей*. 1989. № 1. С. 114–135.

Дашковский П.К. Курган как отражение некоторых мировоззренческих представлений населения Горного Алтая в скифскую эпоху // *Курган: историко-культурные исследования и реконструкции*. СПб., 1996. С. 36–37.

Ермолин Д. Конференция «Танатологические практики и нарративы в современной культуре: советский и постсоветский период» // *Антропологический форум*. 2014. № 22. С. 339–348.

Иерусалимский В.Б. Хаос и гармония. М.: Наука, 1982. 343 с.

Зеленин Д.К. Избранные труды Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М.: Индрик, 1995. 432 с.

Косарев М.Ф. Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. М., 2003. 352 с.

Ольховский В.С. Поминально-погребальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий // *Советская археология*. 1986. № 1. С. 65–76.

Ольховский В.С. К изучению скифской ритуальности: посмертное путешествие // *Погребальный обряд. Реконструкция и интерпретация идеологических представлений*. М.: Восточная литература, 1999. С. 114–136.

Подосинов А. В. *Ex oriente lux!* Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М.: Языки русской культуры, 1999. 718 с.

Попов А. А. Материалы по истории религии якутов б. Вилюйского округа // *Сб. МАЭ (Сборник Музея антропологии и этнографии)*. 1949. Т. 11. С. 255–323.

Раевский Д. С. Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. 600 с.

Саенко В. Н. Скифский курган как семиотическая система // *Проблемы скифо-сарматской археологии северного Причерноморья*. Запорожье, 1994. С. 164–167.

Суханов И. В. Обычаи, традиции, обряды как социальные явления. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1973. 256 с.

Успенский П. Д. Новая модель вселенной / пер. с англ. СПб.: Издательство Чернышева, 1993. 560 с.

Эпос о Гильгамеше («О все выдавшем») / пер. с аккадского И. М. Дьяконова. Репринтное воспроизведение издания 1961 года. СПб.: Наука, 2006. 215 с.

REFERENCES

Ar'és F. *Chelovek pered licom smerti* [Man in the Face of Death]. Moscow: Progress Publ., 1992. 527 p. (in Russian).

Gennep van A. *Obrjady perehoda. Sistematičeskoe izučenie* [Rites of passage. A systematic study]. Moscow, 1999. P. 134–150 (in Russian).

Gromov D. V. Inaja gumannost' (K voprosu o psihologii smerti v tradicionnyh i sovremennyh kul'turah) [Other humanity (the question of the psychology of death in both traditional and modern cultures)], in: Veleckaja N. N. *Arhaicheskie korni slavjanskih jazyčeskikh ritualov* [Archaic roots of Slavic pagan rituals]. Moscow, 2003 (in Russian).

Gurevich A. Ja. Smert' kak problema istoričeskoj antropologii: o novom napravlenii v zarubežnoj istoriografii [Death as a problem of historical anthropology: a new direction in foreign historiography], in: *Odissej* [Odyssey]. 1989. № 1. P. 114–135 (in Russian).

Dashkovskij P. K. Kurgan kak otrazhenie nekotoryh mirovozzrenčeskikh predstavlenij naselenija Gornogo Altaja v skifskuju jepohu [Barrow as a reflection of some of the philosophical ideas of the population of the Altai Mountains in the Scythian epoch], in: *Kurgan: istoriko-kul'turnye issledovanija i rekonstrukcii* [Kurgan: historical, cultural studies and reconstruction]. Saint Petersburg, 1996. P. 36–37 (in Russian).

Ermolin D. Konferencija «Tanatologičeskie praktiki i narrativy v sovremennoj kul'ture: sovetskij i postsovetskij period» [Conference "Thanatological practices and narratives of contemporary culture: the Soviet and post-Soviet period"], in: *Antropologičeskij forum* [Forum for anthropology and culture]. 2014. № 22. P. 339–348 (in Russian).

Ierusalimskij V. B. *Haos i garmonija* [Chaos and Harmony]. Moscow: Nauka Publ., 1982. 343 p. (in Russian).

Zelenin D.K. *Izbrannye Trudy. Oчерki rusской mifologii: Umershie neestestvennoju smert'ju i rusalki* [Selected Works. Essays Russian mythology who died an unnatural death and mermaids]. Moscow: Indrik Publ., 1995. 432 p. (in Russian).

Kosarev M.F. *Osnovy jazycheskogo miroponimaniya: po sibirskim arheologo-jetnograficheskim materialam* [Fundamentals of pagan worldview: the Siberian archaeological and ethnographic materials]. Moscow, 2003. 352 p. (in Russian).

Ol'hovskij V.S. Pominal'no-pogrebal'naja obrjadnost' v sisteme vzaimosvjazannyh ponjatij [Funeral, burial rites in the system of interrelated concepts], in: *Soviet archaeology*. 1986. № 1. P. 65–76 (in Russian).

Ol'hovskij V.S. K izucheniju skifskoj ritualistiki: posmertnoe puteshestvie [To the study of Scythian rituals: the posthumous journey], in: *Pogrebal'nyj obrjad. Rekonstrukcija i interpretacija ideologicheskikh predstavlenij* [Funeral rite. Reconstruction and interpretation of ideological representations]. Moscow: Vostochnaja literatura Publ., 1999. P. 114–136 (in Russian).

Podosinov A.V. *Ex oriente lux! Orientacija po stranam sveta v arhaicheskikh kul'turah Evrazii* [Ex oriente lux! Orientation in the archaic cultures of Eurasia]. Moscow: Jazyki rusской kul'tury Publ., 1999. 718 p. (in Russian).

Popov A.A. Materialy po istorii religii jakutov b. Viljujskogo okruga [Materials on the history of religion Yakuts Vilyui County], in: *Sb. MAJe* [Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography]. 1949. T. 11. P. 255–323 (in Russian).

Raevskij D.S. *Mir skifskoj kul'tury* [World Scythian culture]. M.: Jazyki slavjanskih kul'tur Publ., 2006. 600 p. (in Russian).

Saenko V.N. Skifskij kurgan kak semioticheskaja sistema [Scythian burial mound as a semiotic system], in: *Problemy skifo-sarmatskoj arheologii severnogo Prichernomor'ja* [Problems Scythian-Sarmatian Archaeology of Northern Black Sea Coast]. Zaporozh'e, 1994. P. 164–167 (in Russian).

Suhanov I.V. *Obychai, tradicii, obrjady kak social'nye javlenija* [Customs, traditions, rituals as social phenomena]. Gor'kij: Volgo-Vjatskoe knizhnoje izdatel'stvo, 1973. 256 p. (in Russian).

Uspenskij P.D. *Novaja model' vselennoj* [The new model of the universe]. Per. s angl. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Chernyshjova, 1993. 560 p. (in Russian).

Jepos o Gil'gameshe («O vse vidavshem») [Epic of Gilgamesh (“On all species”)]. Perevod s akkadskogo I.M. D'jakonova. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1961 goda [Translation from Akkadian I.M. Dyakonov. Reprint edition reproduction of 1961]. Saint Petersburg: Nauka Publ., 2006. 215 p. (in Russian).